

С. В. ПОЛЯКОВА

ἜΓΩ ΔΙΑ ΤΟΝ ΧΡΙΣΤΟΝ ΤΟΥΣ ΤΟΙΧΟΥΣ ΤΗΡΩ

(О некоторых особенностях раннемонашеской идеологии и быта согласно „Лавсаику“ Палладия и сочинениям Василия Великого)

Рассказанные Палладием, этим монашеским Плутархом, биографии прославленных монахов и подвижников должны были показать мирянину и клирику духовные преимущества затворнической жизни и подвиги ее первых адептов. Однако в «Лавсаике» под пером несколько наивного автора возникают отдельные детали, а подчас и целые картины, мало вяжущиеся с несомненно пропагандистскими задачами сочинения. К этой-то стороне монашеской жизни, случайно отраженной в биографиях Палладия и мало пригодной для «вразумления» читающего, стоит, думается, присмотреться.

Уже с первых шагов своего возникновения монашество претендовало на признание за собой преимущественной, сравнительно с мирянами и клириками, святости; претензия эта отчетливо проявляется и в «Лавсаике»¹. Согласно этой концепции, монах — существо, по моральному своему совершенству близкое ангелам и превосходящее духовными добродетелями обыкновенного человека. Характерен с этой точки зрения ответ Дорофея, который, на уговоры лечь спать и отдохнуть, в сознании своего исключительного нравственного совершенства говорит: «Если уговоришь ангелов уснуть, уговоришь и подвижника»². Подобное сопоставление обычно в христианской литературе этого периода, им пользуется Григорий Нисский³ и Василий Великий⁴.

16-я биография Палладия рисует сцену, которая наглядно должна показать превосходство монаха над белым духовенством: отшельник Натанаил с надменной независимостью и чувством превосходства принимает пришедших к нему в келью семерых епископов, оправдывая это тем, что он «умер для владык епископов и для всего мира».

Однако нравы этих людей, ведущих, по их представлению, ангело-подобную жизнь, довольно своеобразны, и ряд свойственных им черт

¹ Она подготовляла путь для настоятельно необходимого в дальнейшем идеологического обоснования политической и экономической мощи монастырей. К середине IV в. эта концепция настолько укореняется, что церковь начинает вести борьбу с монашеством и искусственно создает ряд аскетических сект, которые затем обвиняет в ереси. Об этом см. R. Reitzenstein. *Historia Monachorum und Historia Lausiaca*. Göttingen, 1916, S. 186.

² P. a. l., 2. Текст цитируется по изд. Butler'a: *The Lausiaca History of Palladius*. Texts and Studies ed. by Robinson, vol. VI, № 2, 1904.

³ PG, t. 46, ep. XIX, col. 1073.

⁴ PG, t. 31, Serm. asc. II, col. 873.

был не приемлем даже с точки зрения традиционной морали эпохи. Так, например, в женском Тавеннитском монастыре ангелоподобные сестры оскорбляют друг друга, обливают (не фигурально!) помоями, пускают в ход кулаки⁵, нелепо и зло клеветают на невинных⁶, на Нитрийской горе «употребляют и продают вино»⁷.

Дополнением к этим сообщениям «Лавсаика» могут послужить сочинения Василия Великого, старшего современника Палладия, автора ряда сочинений, предназначенных для монастырского пользования⁸. Василий Великий требует от монахов, чтобы они не занимались ростовщичеством, не пьянствовали и не вели распутной жизни⁹, рекомендует им давать посторонним из монастырских запасов только в исключительных случаях и с общего согласия¹⁰, требует, чтобы монастырь не разорял устроенного другим монастырем и во всем действовал в духе доброжелательства¹¹. Естественно, что возникновение подобных предписаний связано с их систематическим нарушением, т. е. с тем, что монахи занимались ростовщичеством и были своекорыстно настроены, изменяя заповедям братства, взаимопомощи и бессеребреничества; даже распоряжение не давать из запасов монастыря на сторону не столько отображает собственнический эгоизм, сколько предполагает злоупотребления, очевидно, с корыстной целью, этой возможностью. От Василия Великого мы также узнаём, что святость жизни анахоретов вызывала недоверие и кривотолки: «Пусть каждый подвизается не сам по себе, не в одиночестве, ибо подобного рода жизнь требует свидетелей, чтобы быть свободной от подозрения»¹². Если монастыри несколькими веками позже сосредоточили в своих руках большие богатства, то нельзя сказать, что и первые монашеские объединения и даже анахореты, проводили жизнь в абсолютной бедности. Описываемые Палладием эремиты и монастырские общины сплошь и рядом были сравнительно состоятельны и жили не терпя нужды. Показательна в этом смысле жизнь на Нитрийской горе, где за деньги свободно можно было приобрести вино, где были аптекари, врачи, пекари, поварни и странноприимный дом¹³. Кенобиты и анахореты, покинув мир, оставались в ряде случаев собственниками имущества¹⁴, получали от мирян большие пожертвования и пр.

Нападкам антимонашески настроенных кругов во все времена существования монастырей подвергалось главным образом паразитическое существование монахов. «Лавсаик» свидетельствует о формировании уже в IV в. своеобразного монашеского идеала, согласно которому жизнь монашествующего должна протекать в молитвах и духовной сосредоточен-

⁵ Pal., 34.

⁶ Pal., 33.

⁷ Pal., 7.

⁸ И здесь и в дальнейшем мы будем привлекать Василия Великого, ибо интересующие нас черты идеологии и нравов монашества были сходны не только в областях его первоначального распространения (это видно хотя бы из наших сопоставлений данных о египетском и греческом монашестве), но сохранились и даже развились впоследствии.

⁹ Bas. Mag., Sermo de asc. disc. PG, t. 31, col. 649.

¹⁰ Bas. Mag., Reg. brev. tract. interrog., 302. PG, t. 31, col. 1296.

¹¹ Bas. Mag., Const. Monast., 33. PG, t. 31, col. 1421; Reg. fus. tract. interrog., 35. PG, t. 31, col. 1004.

¹² Bas. Mag., Sermo de asc. disc. II. PG, t. 31, col. 873.

¹³ Pal., 7.

¹⁴ Pal., 13 и 61. В расширенной версии „Лавсаика“ (PG, t. 34, col. 1132) содержится характерный в этом смысле рассказ о разбойниках, которые напали на келью пустытника Феоны, так как „полагали найти у него золото“.

ности, приводя к непосредственному общению с божеством. Этим мы не хотим сказать, что труд был полностью исключен из жизненного обихода монахов, особенно кенобитов¹⁵. Однако полезный труд занимал ничтожно малое место в распорядке дня монахов и рассматривался монахами обычно как зло, от которого лучше уклониться. Даже в монастыре Пахомия, устав которого предписывал организованный труд на пользу общине, монах мог следующим странным образом упражняться в аскезе: ночи напролет стоять на ногах, очевидно, молясь, а днем сидеть, т. е., очевидно, отдыхать¹⁶. В другом случае «отличный монах» Павел Фермийский жил всегда следующим образом: «Не исполнял никакой работы и не брался ни за какое дело»¹⁷. Характерно также наставление, которое дает Макарий автору «Лавсаика»: «Как-то раз, — пишет Палладий, — я, пав духом, пришел к нему и говорю: «Авва, что мне делать? Тревожат меня мысли, говоря: „Ты ничем не занимаешься, уйди отсюда“. Он в ответ: „Скажи твоим мыслям, ради Христа я стерегу стены“»¹⁸.

Таково же, очевидно, времяпрепровождение нитрийских монахов и анахоретов, которые, в отличие от приходящих на гору странников, не несут обязательной трудовой повинности и избирают себе по своему вкусу образ жизни *ἐκαστος ὡς δύναται καὶ ὡς βούλεται*¹⁹. Большой материал о монашеском тунеядческом идеале, как он выражен у Палладия, дают сочинения Василия Великого, адресованные монастырям. Ни в одном из написанных им уставов не предусмотрено изгнание из монастыря за нежелание работать, зато монахиня, которая, несмотря ни на какие наказания, неохотно поет псалмы, должна оставить монастырь²⁰.

Отношение к труду наглядно иллюстрируют следующие места:

«... Кто каждый день и час ожидает господя, тот стремится, чтобы он не прожил его даром (т. е. чтобы его ожидания не оказались напрасными. — С. П.), и более ничего не делает. Но если велено ему обучаться искусству, пусть в послушании видит служение богу»²¹. «Вся жизнь да будет временем молитвы»²² или метафорически: «пропитание воин (монах. — С. П.) имеет от царя (бога. — С. П.); ему не нужно добывать себе пропитание и даже думать о нем. Ему везде по велению царя у поданных его открыт дом, не нужно ему думать о доме»²³. Тем обстоятельством, что всякий производительный труд рассматривается как нечто необязательное и менее угодное богу, чем праздность, религиозное созерцание или молитва, объясняется своеобразный характер изображаемых

¹⁵ Pal., 32, неоднократно упоминает о том, что устав Пахомия предусматривал занятие общественно полезным трудом. Однако существование подобного устава, как видно из сообщений Палладия о Тавеннитском монастыре, не мешало монахам проводить время в праздности; Pal., 18, ср. также Pal., 13.

¹⁶ Pal., 18.

¹⁷ Pal., 20; в расширенной редакции „Лавсаика“ PG, t. 34, col. 1137—1138, об Аполлосе из Фиваиды сказано, что „единственным занятием его было произнесение двухсот молитв в сутки“.

¹⁸ Pal., 18.

¹⁹ Pal., 7. Данная фраза, вероятно, предполагает не только свободный выбор между индивидуальным затворничеством и кенобитством, как можно заключить из последующего предложения, но свидетельствует о возможности проводить время по собственному усмотрению. В духе подобной праздности проводят свои дни также и герои расширенной редакции „Лавсаика“ PG, t. 34, col. 1163 и col. 1027. Не удивительно поэтому, что там же можно познакомиться с такими неслестными эпитетами монахов, как „тунеядец“, „соня“, „лентяй“ — col. 1083, 1074; ср. col. 1116.

²⁰ Bas. Mag., Reg. brev. tract. interrog., 281. PG, t. 31, col. 1280.

²¹ Bas. Mag., Reg. brev. tract. interrog., 117, col. 1161.

²² Bas. Mag., Serm. asc. II. PG, t. 31, col. 877 и там же Const. monast. I, col. 1328.

²³ Bas. Mag., Praev. inst. asc. PG, t. 31, col. 620.

в «Лавсаике» чудес, которые в своем подавляющем большинстве призваны оправдать и освятить монашескую тунеядческую концепцию, сообщить ей известную романтику. Чудеса этого типа строятся по одному трафарету. божественное вмешательство обеспечивает монаху все необходимое; пищу монахи и отшельники получают с неба, газели чудесным образом питают их²⁴, благодарные гиены дарят теплые овчины²⁵. Не работая или почти не работая сами, монахи пользуются чужими услугами. Затворившуюся в гробнице отшельницу Александру обслуживает специальная служанка²⁶, Иоанна Ликопольского — прислужник²⁷, Макарий Египетский в качестве слуги держит своего ученика²⁸. Как уже говорилось, биографии «Лавсаика» упоминают иногда о труде монахов. Однако работа, по-видимому, занимала столь незначительное место в их жизни, что Палладий, регистрирующий только наиболее типичные черты монашеского быта и в этих случаях не скупящийся на детали, здесь удивительно немногословен²⁹.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что труд понимался египетскими подвижниками не как общественно полезное и жизненно необходимое занятие, а лишь как одна из разновидностей аскетического подвига. Поэтому для египетского подвижника (чаще это были анахореты) работа носит эпизодический характер, и, так как она не обуславливает его материального благополучия, заботятся не столько о хозяйственной эффективности труда, сколько о его, если так можно сказать, аскетической атмосфере. Поэтому герои Палладия стараются исполнять работу в возможно более неблагоприятной обстановке — под палящими лучами солнца, в темное ночное время или в непригодном для этого помещении³⁰. На отношение к труду в объединениях кенобитов, где он очень скоро утратил свой специфический подвижнический ореол, превратившись в прозаическую обязанность, проливают свет сочинения Василия Великого. В условиях монастырской общины члены ее либо стремятся уклониться от предусмотренного правилами требования трудиться, либо пытаются извлечь из исполняемой работы выгоду. В противном случае Василию Великому не пришлось бы специально оговаривать, что монаху потому не следует самому избирать себе дело в монастыре, что он может навлечь подозрение, что действует «в надежде прибыли»³¹, и что должно избирать те работы, которые лишены непопозволимой прибыли (*αἰσχρὸν κερδεῖν*)³². Достаточно взглянуть на режим монастырского дня, чтобы убедиться, как мало оставалось времени для труда. Ведь всей братии ежедневно полагалось восемь раз становиться на молитву, не говоря уже о специальных богослужениях в праздничные дни. Василий Великий сообщает, что обязательными часами молитвы были час вставания, три часа, шесть часов, девять часов, конец дня, наступление ночи, полночь, рассвет³³. Несмотря на то, что труд в монастырях занимал далеко не первенствующее положение, монахи тем не менее всячески старались от

²⁴ Pal., 36, 51, 71, 18; ср. с расширенной версией — PG, t. 34, col. 1138, 1123, 1027, 1156, 1161.

²⁵ Pal., 18.

²⁶ Pal., 5.

²⁷ Pal., 35.

²⁸ Pal., 17; ср. также с расширенной редакцией col. 1042 и col. 1155.

²⁹ О труде без дифференциации его характера сообщается в 10 и 45, о сельскохозяйственных, домашних и ремесленных работах — в 13, 32, 34, 2, 10, 22, 24, 25 и 5. Преобладает упоминание о плетении различных предметов из пальмовых вай.

³⁰ См. указанные в предыдущем примечании биографии.

³¹ Bas. Mag., Reg. fus. tract., PG, t. 31, col. 1021.

³² Bas. Mag., Const. Monast. V. PG, t. 31, col. 1360.

³³ Bas. Mag., Reg. fus. tract., col. 1009 sq.

него уклониться под предлогом молитв, песнопений или недомогания. «Величайшее порицание, — пишет Василий Великий, — заслужат те, которые, отрицая присущую и богом данную им телесную силу, непристойно обманывают старших над собой и не повинуются их приказаниям»³⁴; или: «Так как некоторые уклоняются от работы под предлогом молитв и псалмспения, то следует знать, ... что для молитв и псалмопения, как и для многого другого, годится всякое время»³⁵. В связи с идеалом бездеятельной жизни особое значение в бюджете монахов приобретают дарения и милостыни, игравшие, по-видимому, и на первых порах развития монашества важную роль. Этим объясняются частые сообщения «Лавсаика» о том, что то или иное частное лицо в пользу монахов жертвует свое имущество, делает денежные вклады в монастыри или снабжает их дарениями натурой. Так, например, отшельник Памво был обладателем крупного дарения³⁶, Мелания Младшая посылала монастырям значительные денежные пожертвования³⁷; такого же рода благотворительностью занималась и Мелания Старшая³⁸. Даже за исцеление знаменитые отшельники получали вознаграждение, и великая святость не помешала Макарию Александрийскому принять от своей пациентки богатые дары³⁹. Из монастырских правил Василия Великого можно заключить, что размеры дарений монастырям были велики, ибо 304-й и 305-й вопросы «Краткого правила» говорят, что прием даров общиной нередко вызывал осуждение⁴⁰.

Таким образом, если внимательней присмотреться к произведениям авторов, являвшихся сторонниками монашества (как Палладий или Василий Великий), бывших его насадителями, сквозь пелену славословий и пропагандистского пафоса можно подчас различить подлинные, вероятно, черты идеологии и нравов ранних представителей монашеского чина.

³⁴ Bas. Mag., Const. Monast; col. 1421; там же, Reg. brev. tract. int., 69, col. 1132; Ep., PG, t. 32, col. 289—292 (ep. XXII) и col. 1037 (ep. CCXCV).

³⁵ Bas. Mag., Reg. fus. tract., col. 1012.

³⁶ Pal., 10.

³⁷ Pal., 61.

³⁸ Pal., 54; о дарениях натурой см. 25.

³⁹ Pal., 18.

⁴⁰ Bas. Mag., PG, t. 31, col. 1300.